

УДК 378.4.014.53

ФОРСАЙТ В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ «ЗАБОТА О СЕБЕ» В СОВРЕМЕННОМ КЛАССИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Плюснин Лев Витальевич,
levplusnin@gmail.com

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Плюснин Лев Витальевич, студент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета.

Актуальность исследования определяется необходимостью поиска идентичности современного классического университета. Классический университет сегодня нуждается в изменении своих правил дискурса. Цель работы: обосновать возможность использования практик форсайта в рамках более широкой методологической практики «заботы о себе» в контексте современного классического университета. Проблема, которую решает статья, связана с разработкой релевантных современности практик управления современным университетом, предполагается, что практика форсайта может стать одной из них. Обоснование осуществляется на основе разработки соответствующей методологии, в которой особое место имеет историко-философская (начиная с античности) концепция «заботы о себе». Можно утверждать, что «забота о себе», исторически трансформируясь в своих формах проявления, в условиях сложности современного мира является одной из форм выживания и существования университета. Методы исследования: абстрактно-логический подход для критической проверки практик форсайта на релевантность его ответа на вызовы современности, историко-логический подход для адаптации мирового опыта в области форсайта для актуальных российских условий. Автор опирается на творчество Франкфуртской школы социальной философии, в частности на работы Ю. Хабермаса. Предложенный взгляд может, с одной стороны, обозначить пространство критического анализа, с другой – способствует разработке и обоснованию философской методологии исследования. Форсайт рассматривается как ключевое инфраструктурное звено, на основании которого может существовать современный классический университет. Результаты. В рамках данной работы удалось наметить перспективное направление развития классического университета. В этом состоит отличие предложенного исследования от тех идей, которые высказывают многие авторы относительно современного состояния университета, констатируя его «смерть». Вывод. Практика «заботы о себе» не может быть рассмотрена без изменения организационной структуры в фундаменте классического университета. Изменения вызываются трудностями в обеспечении коммуникации в процессе обучения. Для решения данной проблемы была предложена практика форсайта и показано, как это может работать.

Ключевые слова: Форсайт, «забота о себе», университет, коммуникация, сообщества.

Введение

Проблема идентичности классического университета в неклассическое время, характеризующееся нестабильностью и калейдоскопичностью движения, непрогнозируемостью и неопределенностью вектора развития, самоорганизационностью при отсутствии доминантной формы культуры, в последнее десятилетие стоит достаточно остро. Университет в условиях рыночной конкуренции, когда образование становится услу-

гой, а студент – товаром, потребляющим эту услугу, переживает исторически не свойственное ему состояние. В таких условиях важно понять существенную трансформацию его классической модели.

Университет испытывает осязаемое воздействие окружающего мира и вынужден следовать требованиям времени. Он живет в обществе, «в качестве основных признаков которого можно назвать, во-первых, превращение знания в информацию, во-вторых, превращение знания в основной источник и ресурс развития общества и, в-третьих, мобильность знания (что имеет особое значение для системы университетского образования), его быстрый рост и изменения, его производство практически любым социальным институтом. Классический университет в этом смысле потерял монополию и автономию на производство знания, «оброс» многочисленными университетами неклассического типа, находится в сети других образовательных учреждений, которые возникли в ответ на указанную мобильность» [1, с. 49–50]. Современный классический университет больше не является единственной университетской моделью, и на фоне всех возможных университетских вариаций его лицо уже весьма трудно различимо. Он перестал быть единственным, кто может рассматриваться в качестве гаранта истинного знания. Таким же образом утрачивает сакральное значение его атрибутика, и, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, делигитимации подверглась даже фигура профессора [2, с. 129].

Ввиду сказанного справедливым будет поставить вопрос, каким образом университет может найти свою новую форму экзистенции? Данный термин применен здесь вполне осознанно: необходимо подчеркнуть уникальность и, что важнее, неэссенциальную (то есть изменяемую, а не устойчиво сущностную) природу университета. Он базируется не на постоянной, вечной и неизменяемой сущности, но, напротив, имеет исторически изменчивые формы существования.

В новых условиях социального развития следует искать инструменты, позволяющие работать с неопределенностью, непрогнозируемостью, неустойчивостью и постоянством изменений. Как следует из заявленной темы, ключевыми для данной статьи будут два основных фокуса, через которые будет предложено возможное решение поставленной проблемы. Автор полагает, что данные инструменты если и не приведут к разрешению поставленной проблемы то, во всяком случае, наметят направление, в котором следует двигаться.

В качестве основных фокусов будут рассмотрены две ключевые практики, одна онтологического характера, другая – чисто инструментального назначения. Речь пойдет о практике «заботы о себе», которая известна со времен античности, и практике форсайта, особой формой коллективного прогнозирования, имеющей существенные методологические особенности, которые могут позволить продуктивно вступать во взаимодействие с другими практиками. В последующих частях данной работы будет показано, каким образом методологические особенности форсайта могут быть интегрированы в практику «заботы о себе», которую будем понимать как онтологический фундамент университетского образования вообще. Об этом подробнее будет рассказано в разделе «Критериальные основания классического университета». В разделе «Теоретические основания форсайта» будут даны основные методологические особенности этой практики прогнозирования на основе материалов журналов «Futures» (Амстердам, Нидерланды) и «Форсайт» (НИУ ВШЭ, Москва, Россия). В заключении будут предложены варианты синтеза «форсайта» и «заботы о себе» для прояснения идентичности классического университета в неклассическое время (раздел «Форсайт как инфраструктурный элемент классического университета»).

Критериальные основания классического университета

Разработка критериев классического университета в истории философии связывается с работами Дж. Ньюмана и В. фон Гумбольдта. Большой вклад в этом отношении принадлежит и нашему отечественному учёному и философу М. В. Ломоносову. Но теоретические, философские и культурно-исторические предпосылки для возникновения классического университета в Европе и в России появляются задолго для их практического воплощения в форме ли Гумбольдтовского (Берлин) или Московского университетов. Так, античная ориентация на поиски истины как абстрактного и обобщающего знания, объединяющего в себе одновременно добро и красоту, исторически заложила основания для такого образования, на котором потом стал базироваться университет в своих ведущих критериальных основаниях – единство фундаментального и гуманитарного знания. Важно, однако, отметить, что в этом высоком единстве образование античности, говоря современным языком, было практико-ориентированным. Оно имело задачей не только научить абстрактно мыслить, но возникало в первую очередь как институция, где человек учился коммуникации. Оно было направлено на то, «чтобы свободный гражданин стал способен выполнять все политические функции и в свое время стать в одном из больших городов-государств классической эпохи должностным лицом на любом уровне: судьей, присяжным, членом различных советов, послом, служащим или оратором перед собранием. Общественная жизнь постоянно демократизировалась, поэтому, исполняя все эти функции, необходимо было мочь и уметь убеждать сограждан, то есть хорошо говорить и хорошо аргументировать» [3, с. 6–7]. Именно поэтому Сократ отождествил образование с «заботой о себе» и рассматривал его как «заботу» об истине, её узнавание и знание во имя «заботы о других», во имя в первую очередь политического управления другими.

Коммуникативная функция образования возникала, таким образом, как производная от его задачи – дать знание, осуществить восхождение к истине, познать ее как алейю – не сокрытую в своем единстве с добром и красотой. Аристотель «признает истинно образованным человеком лишь того, кто обладает всесторонним знанием» [3, с. 18]. В целях данной статьи необходимо сказать, что такая ориентация античного образования пророчила синтез двух важных функций образования – коммуникативной и информативной. В этом единстве образование было отождествлено с «заботой о себе». Так, в платоновском диалоге «Алкивиад I» «заботе» уделено центральное внимание. Молодой политик, вопрошая, как ему добродетельно и справедливо править, получает ответ, направляющий на необходимость овладения понятием справедливости. Понятие же – общее, умозрительное и абстрактное – может открыться только тому, кто «заботится о себе» [4, с. 72–128], ибо не каждому открывается истина.

Рассматривая античную образовательную практику «заботу о себе» в аспекте современного словаря, можно сказать, что Сократ мыслил её как участие в социальной интеракции. Истина открывалась только тому, кто обладал рефлексией по отношению к себе и другому, кто имел личную свободу и кто был способен самостоятельно мыслить. Рефлексивность античной истины состояла в том, что она являла себя как арете – в единстве с «благом» и открывалась только тому, кто имел или стремился иметь самоконтроль, кто «заботился» о своей душе, властвовал над собой, чтобы иметь возможность властвовать над другими» [5, с. 56]. Таковыми были исходные – философские, исторические и познавательные – предпосылки или наследие, которые оставила античность и на которых вырос классический университет.

Классический университет, базируясь на философских традициях восхождения ко всеобщему знанию (античная Пайдейя) и на познании истины как «заботы о себе»,

сформировался в таких критериальных основаниях, как фундаментальность, гуманитарность образовательного знания и элитарность и автономность образовательной деятельности [1, с. 38–47]. Фундаментальность выражала себя в ориентации на получение высоких теоретических знаний об окружающем мире при использовании адекватных методологических процедур, направленных на достижение истины. Данный принцип отражает основную «миссию» университета, а именно продуцирование нового знания, которое не было озабоченным утилитарной, прагматической идеей. Оно имело чисто познавательную направленность, и его основная интенция заключалась не в его скорейшем внедрении в практику производственного процесса, а в открытии достоверных сведений об окружающем мире. Лишь впоследствии эти знания должны были или могли становиться основой технологических процессов. Предполагалось, что в классическом университете утилитарная функция не являлась ведущей.

Помимо того, что университет исследует мир природы, он становится значимым социальным институтом, который является важным агентом социализации индивида и трансляции актуальных моральных императивов. Идеалы, артикулированные в среде интеллектуалов, основывались на просвещенческом проекте. Просвещение, по Канту, – это освобождение человека от природы, его «выход из состояния своего несовершенности, в котором он находится по собственной вине» [6, с. 29]. Кант полагал, что освобождение неразрывно сопряжено с публичным использованием своим умом [6, с. 31]. Для реализации цели статьи важно увидеть в указанной публичности коммуникативную природу образования и науки, ориентированных на то, чтобы внести в знание гуманитарный аспект.

Что касается элитарности университета, то следует иметь в виду, что он был своего рода монополистом в деле продуцирования знания, и находиться в его стенах было делом престижным, университет продуцировал не только знания, но и интеллектуальную элиту общества. Зачастую эта элита в значительной мере повторяла социально-политическую элиту страны [1, с. 96]. Но если в прошлом элитарность носила социокультурный характер и была связана с актуальной стратификацией общества, то сегодня, в век массового образования, трудно говорить об элитарности университета и университетского знания [1, с. 97].

Автономию классического университета как еще один критерий его классичности следует понимать как освобождение от утилитарных, прагматических интересов. Так, понятию автономии российский университет достойно нес до конца XX века. Современность, однако, связала его с «третьей миссией», с выполнением экономических задач, с вхождением в экономическую социальную структуру, с необходимостью решения проблем рынка труда, выполнения образовательных услуг – капитализации образования в целом. Все это накладывает серьезные ограничения на автономность современного университета и фактически элиминирует этот критерий его классичности.

Подводя резюме, можно сказать, что современный университет теряет (потерял) классические критерии. Так, массовость современного образования вытеснила его элитарность, «третья миссия» поставила под сомнение его автономность. Фундаментальность знания подменяется прикладными исследованиями, и, более того, классический университет сегодня не является единственным институтом, способным заниматься фундаментальными исследованиями. По выражению Бруно Латура, атака современной критики на факты лишила «факт» смысла [7, с. 231–232] вокруг которого веками строилась фундаментальная наука. Интеграция науки в бытовые ситуации приводит к формированию обывательского стереотипа, устраняя какие-либо оттенки сакральности, которые у науки оставались. Наука и университет не воспринимаются более как нечто

обладающее особенным бытием, отличным от окружающего универсума. Казалось бы, идея классического университета распадается вместе с распадом идеи науки, однако, по мнению Ю. Хабермаса, потеря идейного сакрального стержня науки не уничтожает идею «коммуникативных форм научной аргументации» [8, с. 16]. Таким образом, некоторые коммуникативные практики могут обрести статус регулятивных идей, через формирование которых может быть внесена ясность в проблему университетской идентичности.

В этом смысле можно актуализировать практику «заботы о себе» как фундамент классической идентичности университета. С одной стороны, она является носителем многовековой традиции, и это, безусловно, прибавляет ей конкурентные очки, когда говорим о классической университетской идентичности. С другой стороны, эта образовательная практика сегодня оказывается проблематичной по способу ее организации и поддержания в рамках университета. Непрозрачен инструментарий, способный поддерживать и продуцировать саму культуру данной практики. Возможно, в первую очередь это относится к самой организационной структуре университета. Так, например, коммуникативность образования сегодня выражает себя в тренде на междисциплинарность [9, с. 190]. В соответствии с этим современный университет пересматривает собственные традиции, атрибутику и механизм ответа на этот актуальный тренд. Ключевой проблемой в этом отношении может стать существующая коммуникативная изолированность как следствие той университетской структуры, которая ориентирована на кафедральную организацию. Кафедра как ведущая организационная структура если и позволяет выполнять функцию коммуникации, то в серьезной степени ее ограничивает. Мир, в котором стремительно растет скорость коммуникации, не допускает возможности помещать студента в «социальный сейф» и накачивать его чисто фундаментальными знаниями, для того чтобы он смог вступить в коммуникацию как профессионал. Трансформация традиционной организации (в том числе кафедральной) классического университета в сторону более практико-ориентированного обучения [9, с. 209] в этом смысле представляется оправданной.

Возвращаясь к тезису Ю. Хабермаса о том, что даже в условиях современности коммуникативные принципы научных сообществ сохраняют перспективы для трансформации самих актов коммуникации, не затрагивая их онтологическую сущность, представляется возможным создания нового инфраструктурного элемента, направленного как на поддержание коммуникативной идентичности, так и на продуцирование нового знания. Таким образом, удержание баланса в рамках практики заботы о себе с добавлением инфраструктурной единицы может дать положительный результат в формировании идентичности классического университета. Говоря иначе, современная образовательная практика университета «забота о себе» нуждается в инфраструктуре, обеспечивающей контакт участников сообщества между собой и непрерывный контакт с реальностью. В следующей части будет намечено направление, в котором эта проблема может быть разрешена без фундаментальной угрозы онтологическому статусу коммуникативных правил классического университета.

Теоретические основания форсайта

Как было замечено ранее, из сложившейся ситуации есть много простых или во всяком случае очевидных путей выхода. Имеются в виду те пути, по которым пошли неклассические университеты в поисках места на рынке образовательных услуг. В этой связи, очевидно, что если классический университет желает сохранить собственную классичность, он не может последовать за ними. Но и остаться неизменным, естествен-

но, он тоже не может. Создается ситуация неопределенности, и в этом смысле, быть может, будет продуктивно обратиться к практике, способной эффективно работать с неопределенностью.

Таковой является практика форсайта. «Форсайт (от англ. *foresight* – «предвидение») зарекомендовал себя как наиболее эффективный инструмент выбора приоритетов в сфере науки и технологий, а в дальнейшем – и применительно к более широкому кругу проблем социально-экономического развития. По результатам форсайт-проектов формируются масштабные национальные и международные исследовательские программы, в частности Шестая и Седьмая Рамочные программы по научным исследованиям и технологическому развитию ЕС» [10, с. 9]. Существуют еще несколько пониманий данного термина, а именно что форсайт – это систематическая практика изучения будущего и форсайт – это способ системного вмешательства в среду для получения определенных показателей [11, с. 112]. Представляются полезными все три варианта понимания форсайта, так как каждый из упомянутых аспектов может наполнить смыслом непосредственную практику.

«Фундаментальный принцип форсайта исходит из установки, что представления о будущем руководят нашими текущими действиями» [12, с. 65] и, соответственно, работают именно с такими представлениями. Фактическим результатом являются либо нормативные документы, предписывающие какие-либо действия участникам форсайта, либо то, что принято называть «метафорами» [11, с. 116], или нарративными представлениями о будущем, образующими сюжет, который, соотносясь с конкретным ценностным аппаратом, и побуждает к достижению или предотвращению того или иного варианта развития событий. «Метафоры» могут как образовываться в рамках форсайта, так и видоизменяться под его влиянием. Участники зачастую уже имеют некоторые нарративные представления о будущем, в том числе и из художественной литературы, в большинстве случаев выраженные в понятиях «дефицита» [13, с. 169].

Форсайт – это коллективная форма активности, способная существовать как в очном, так и в дистанционном варианте в зависимости от выбранных методов. Для удобства сегодня эти методы были собраны в «форсайт-ромб» [10, с. 13]. Исторически же до конца девяностых годов в области форсайта превалировал метод дельфи [14, с. 61]. В Японии и Германии это произошло во многом благодаря тесному сотрудничеству форсайт ассоциаций двух стран. Сегодня метод дельфи интегрирован в работу команд участников и определяет проблемное поле, играя роль экспертного анализа [15, с. 12]. «Среди наиболее продуктивно используемых методов также присутствуют, критические технологии, разработка сценариев, технологическая дорожная карта и формирование экспертных панелей» [10, с. 9]. К примеру, метод сценарного анализа активно применялся в Великобритании в 2002–2004 годах [16, с. 51]. Можно полагать, что создание и обработка сценариев в виду своей коммуникативной природы наиболее предпочтительна в качестве метода для решения поставленной проблемы.

В целом если попытаться представить форсайт в качестве алгоритма, то он будет выглядеть примерно так: форсайт-знания трансформируются в возможности, которые порождают новые формы отношений или взаимодействия, впоследствии порождающие новое знание [11, с. 117]. В данном случае под форсайт-знанием понимаются разного рода установки, нормативные предписания, повестки действий участников и так называемые «метафоры» или понимание существующих трендов и их возможные варианты развития в будущем [11, с. 116].

Важным элементом форсайта является работа с участниками или «стейкхолдерами», (stakeholders) от их грамотного набора зависит в значительной степени качество

результата. В этом контексте имеет смысл оценивать результаты по трем основным позициям: значимость (*salience*), легитимность (*legitimacy*), правдоподобность (*credibility*) [17, с. 4–5]. Под значимостью следует понимать то, насколько сильно процесс работы и результат обладает значимостью для участника и соотносится с его аксиологическим аппаратом. Это можно понимать в двух смыслах: с одной стороны, как значимость самого процесса и соотношение ценностей участника с ценностями форсайт культуры как таковой, с другой – это то, насколько ценности, фундирующие результат форсайта, соотносятся с ценностями участника. Под легитимностью понимается то, насколько сильно полученные результаты являются основаниями для реального политического действия. В этом смысле форсайт – это практика, поддерживающая и способствующая принятию управленческого, политического или личного решения. Под правдоподобностью здесь имеется в виду то, насколько полученные результаты соотносятся с актуальным состоянием реальности, и то, насколько участники сложили адекватное мнение об обсуждаемой проблеме.

В рамках форсайта происходит состязание идей и точек зрения за право быть включенными как в нормативные документы, так и в совокупность «метафор». Поскольку конкуренция мнений велика и каждый из участников так или иначе почувствует в публичном резонансе, образуется ситуация идеальной публичной сферы, которую описывал Ю. Хабермас [1, с. 140–141]. В этом смысле форсайт – это коммуникативная ситуация, где каждое вносимое суждение претендует на значимость для остальных участников, где значимость как бы распадается на уже ранее упомянутые критерии: значимость (*salience*), легитимность (*legitimacy*), правдоподобность (*credibility*). Полагаем, что на практике процесс распада публичной сферы на не публичную и фиктивную [19, с. 329–331] в этом контексте можно избежать путем образования общих или, во всяком случае, совместимых смысловых каркасов.

С эпистемологической точки зрения вовлеченные стороны «вынуждены решать проблемы в условиях, когда их смысловые каркасы не общезначимы, но продолжают «языковую игру», предъявляя друг другу варианты ее правил, налаживая дискурс, в котором находят свое место различные, но равноправные системы аргументации, что по выражению К.-О. Апеля отражает суть «коммуникативной» или «дискурсивной» рациональности» [20, с. 17].

Приведенная выше модель форсайта, как можно заметить, обладает высокой степенью универсальности и будет верным предположить, что данная модель может быть использована для обеспечения функционирования иных практик, в том числе и практики «заботы о себе». К этому есть несколько предпосылок. Во-первых, форсайт моделирует публичную сферу как сферу публичного резонанса, основанную на противоборстве огромного числа мнений и ценностей, позволяя при этом регулировать область и направление дискуссии путем подборки стейкхолдеров и внесения корректив на уровне метомодерации и модерации командной работы, а следовательно, может быть использован в дидактических целях. Во-вторых, форсайт предполагает необходимым на протяжении своей работы апелляцию к инструментарию критического мышления на предмет обсуждаемого вопроса, поскольку кроме как при помощи легитимных коммуникативных процедур внесение какого-либо суждения в общее поле нормативных положений или «метафор» невозможно. В-третьих, форсайт способствует созданию и удержанию некоторой формы коммуникативной идентичности, основанной на коммуникативных формах научной аргументации, и позволяет транслировать эту идентичность в соответствии с принципами фундаментальности классического образования. В-четвертых, форсайт обладает гибкостью в поле выбора предмета обсуждения, так

как, несмотря на высокую ресурсоемкость, не имеет ограничений в плане выбора предмета изучения. Таким образом, он может быть применен к сколь угодно широкому спектру проблем, в том числе и для решения междисциплинарных задач.

Форсайт как инфраструктурный элемент классического университета

Основной вопрос данной статьи – каким образом форсайт способен решить проблему классического университета в неклассическое время в рамках практики «заботы о себе». Включение форсайта в этот концепт продиктовано необходимостью обеспечить инфраструктурную поддержку практике «забота о себе» в качестве базового основания. Поскольку, как было сказано ранее, «забота о себе» не подразумевает коммуникации в процессе становления субъекта. Данная практика лишь готовит к вступлению в коммуникацию.

Ввиду того, что в целом скорость жизни возросла, весьма наивно полагать, что занимаясь даже ответственным фундаментальным познанием и глубокой саморефлексией, можно продуктивно войти в существующую интеракцию не имея коммуникативной практики. Представляется, что «забота о себе» должна обрести коммуникативно ориентированные коннотации, иначе говоря, заботиться о себе путем ответственного принятия решения о будущем и заботиться о других путем участия в принятии решения. В этом смысле практика форсайта, выстроенная на классических принципах научной аргументации и обращенная на решение актуальных научных проблем, выглядит вполне эффективным механизмом.

Важно подчеркнуть, что форсайт – это инструмент, который создает среду для организации обсуждения и, таким образом, критической проверки своего ценностного аппарата в области аксиологии науки. Если к коммуникации будут допущены все возможные стейкхолдеры классического университета, то могут быть задействованы все три фундирующих аспекта «заботы о себе», а именно рефлексивность, фундаментальность и коммуникативность. Однако это будет не коммуникативность постфактум «заботы», а «забота» посредством коммуникативности. Это и может стать способом существования классического университета, поскольку организация критически ориентированной коммуникации может позволить проводить более актуальные междисциплинарные исследования и готовить более квалифицированных специалистов, имеющих широкое понимание актуального положения дел в окружающем универсуме.

«Забота о себе» предстает, таким образом, в качестве ответственного и рационально взвешенного принятия решения, а «забота о других» – в виде участия в дискуссии о принятии решения. В этом смысле сократический принцип сохраняется, нельзя принимать решения о других (или участвовать в принятии такого решения), не овладев способностью самому ответственно принимать решения. В условиях современного мира важно принимать решения, основываясь не только на актуальном положении вещей, но и ориентируясь на будущее.

Через призму форсайта можно иначе посмотреть и на критерии классического университета. Можно предположить, что фундаментальность в неклассическую эпоху неразрывно сопряжена с междисциплинарными исследованиями. В категориях форсайта это будет выражаться как возможности или перспективы к исследованию. В свою очередь, они породят новые отношения, то есть сформируют междисциплинарные команды для получения нового знания. Результат будет двояким: с одной стороны, это нормативные предписания с высоким уровнем легитимности, адресованные самим себе для инициации междисциплинарной работы. С другой стороны, это непосредственно фундаментальные знания (результаты исследования), которые с высокой степенью

правдоподобности и значимости для субъектов могут включаться в «метафоры» сообщества или в нормативные предписания других акторов. Таким образом, «забота о себе» представляется в виде дорожной карты действий, а «забота о других» – как участие в формировании «метафор» и нормативных предписаний.

Гуманитарность будет обретать содержание через коммуникативную практику публичного резонанса касательно критериев оценки результата и процесса его достижения. В этом смысле данный критерий конституируется не в этапах форсайт-деятельности, а в критической проверке процессов перехода от этапа к этапу, а также к анализу работы самого этапа. Именно в рамках гуманитарности происходит сопряжение смысловых каркасов разных участников. Для «заботы о себе» это дает возможность постоянной самопроверки собственных рациональных установок и смысловых каркасов на значимость. Это открывает перспективу нового уровня деятельной саморефлексии, направленной на познание себя.

Поскольку поиск и сохранение идентичности – это важнейшие проблемы современного университета, возможно, имеет смысл говорить не об элитарности в чистом виде, но о формировании некоторой общей идентичности сообществ участников, базирующейся на общих коммуникативных принципах. Важно, что в рамках «заботы о себе» в коммуникативном ключе обойтись без актуализации идей сообщества будет крайне проблематично, поскольку интегративной силы этой практики самой по себе для неклассического времени может быть недостаточно.

Вполне очевидно, что в материальном плане проблема автономности классического университета на данный момент не разрешима, однако «забота о себе» при помощи форсайта имеет перспективу легитимации позиционного дискурса касательно понимания будущего и, соответственно, повестки действий. Манифестация позиции в качестве своей самости будет необходима для проведения прозрачной форсайт дискуссии и главное – побудит к принятию субъективной ответственности за решения, тем самым разрывая тотальность «не автономии». Говоря иначе, форсайт может позволить в рамках «заботы о себе» создавать автономию дискурса или, во всяком случае, проводить критическую проверку дискурсов, претендующих на включение в диалог.

Заключение

Развивая вышеизложенные тезисы, имеет смысл говорить о том, что решение проблемы идентичности классического университета в неклассическое время лежит в поле формирования устойчивых практик коммуникации сообществ и интеграция этих практик в процесс обучения. Для обеспечения коммуникации имеет смысл использовать практику форсайта с целью создания коммуникативных связей между элементами университетского сообщества.

Построение подобных связей на основании форсайт методологии позволит получить инструмент работы с будущим. В данном случае имеется в виду корректировка НИР и НИРС в соответствии с актуальными трендами окружающей действительности, что должно повысить качество работ и разработок, открывая тем самым новые перспективы для развития продуктивного инструментального и коммуникативного действия в рамках экономики и социума.

В то же время опора на данную методологию позволит создать пространство для публичного резонанса каждого участника университетского сообщества. Из этого следует два дополнительных следствия. Во-первых, площадка публичного резонанса, таким образом, получает интегративную функцию, направленную на создание междисциплинарных исследовательских команд. Во-вторых, площадка публичного резонанса

ства становится главным агентом распространения коммуникативных правил сообщества. В данном случае имеются в виду правила сообщества под названием «университет».

«Забота о себе» посредством этого получает в первую очередь перспективы к актуализации своего дискурса в контексте университета. Данный дискурс может стать фундаментом для формирования университетской идентичности в долгосрочной перспективе. Таким образом, будет обозначена перспектива классического университета как сообщества, помогающего (сопровождающего) ответственное принятие решения как на уровне социума, так и на уровне государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова Г.И. Философия университетского образования: модификация критериев классического университета в обществе знания. – Томск: Изд-во ТГУ, 2013. – 172 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 2016. – 160 с.
3. Адо И. Свободные искусства и философия античной мысли. – М.: Греко-латинский кабинет, 2002. – 476 с.
4. Платон. Диалоги. – М.: Эски, 2015. – 768 с.
5. Корпоративная культура современного университета: роль в формировании профессиональной и личной идентичности выпускника / Г.И. Петрова, С.Н. Зыкова, И.А. Ершова, О.А. Бут, Ю.М. Стаховская. – Томск: Изд-во ТГУ, 2017. – 128 с.
6. Кант И. Что такое просвещение? В 8 т. Т. 8. – М.: Чоро, 1994. – 718 с.
7. Latour B. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // *Critical Inquiry* – 2004. – V. 30. – № 2. – P. 225–248. DOI: doi.org/10.1086/421123
8. Хабермас Ю. Идея университета. Процессы образования // *Alma mater*. – 1994. – № 4. – С. 9–17.
9. Доннелли К., Ризви С., Барбер М. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // *Вопросы образования*. – 2013. – № 3. – С. 152–236. URL: https://vo.hse.ru/data/2014/08/04/1314334660/2013-3_Barber%20et%20al.pdf (дата обращения 22.05.2018).
10. Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // *Форсайт*. – 2007. – Т. 1. – № 1. – С. 8–15.
11. Dufva M., Ahlqvist T. Elements in the construction of future-orientation: a systems view of foresight // *Futures*. – 2015. – № 73. – P. 112–125.
12. Бассей М. Концептуальные основы Форсайт-исследований и их эффекты: классификация и практическое применение // *Форсайт* – 2013. – Т. 7. – № 3. – С. 64–73.
13. The future imagined: Exploring fiction as a means of reflecting on today's Grand Societal Challenges and tomorrow's options / O. Binaa, S. Mateusc, L. Pereirab, A. Caffab // *Futures*. – 2017. – № 86. – P. 166–184.
14. Бойкова М.В., Салазкин М.Г. Форсайт в Германии // *Форсайт*. – 2008. – Т. 5. – № 1. – С. 60–69.
15. Kuribayashi M., Hayashi K., Akaike S. A proposal of a new foresight platform considering of sustainable development goals // *European Journal of Futures Research* – 2018. – V. 6. – Iss. 1. – P. 1–16. DOI: doi.org/10.1007/s40309-017-0130-8
16. Майлс Й. Разработка сценариев и дорожных карт для ключевых технологий: предупреждение наводнений и защита береговых территорий в Великобритании // *Форсайт*. – 2008. – Т. 2. – № 4. – С. 50–59.
17. The reflective futures practitioner: Balancing salience, credibility and legitimacy in generating foresight knowledge with stakeholders / E-M. Kunseler, W. Tuinstra, E. Vasileiadou, A.C. Petersen // *Futures*. – 2015. – № 66. – P. 1–12.
18. Scenario planning as communicative action: lessons from participatory exercises conducted on the Scottish livestock industry / D.G. Duckett, A.J. McKee, L.A. Sutherland, C. Kyle, L.A. Boden, H. Auty, P.R. Bes-sell, I.J. McKendrick // *Technological Forecasting & Social Change*. – 2016. – № 114. – P. 138–151.
19. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категорий буржуазного общества. – М.: Весь Мир, 2017. – 344 с.
20. Коммуникативная рациональность: этистемологический подход / отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М.: ИФРАН, 2009. – 215 с.

Поступила 26.05.2018 г.

UDC 378.4.014.53

**FORESIGHT IN THE EDUCATIONAL PRACTICE «SELF-REGARD»
IN THE MODERN CLASSICAL UNIVERSITY****Lev V. Plysnin,**
Levplusnin@gmail.comNational Research Tomsk State University,
36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia.**Lev V. Plysnin**, student, National Research Tomsk State University.

*The relevance of this study is defined by the need in searching for identity of a modern classical university. The classical university today needs in change of its rules of discourse. **The main aim** of the research is to justify the possibility of using foresight practices within the wider methodological practice of «self-regard» in the context of the modern classical university. The problem solved by the article is related to the development of relevant modern practices of management of a modern university, it is assumed that the practice of foresight can become one of them. The rationale is based on the development of an appropriate methodology, in which the historic-philosophical (since antiquity) concept of «self-regard» has a special place. It can be argued that «self-regard», historically transforming in its forms, is one of the forms of survival and existence of the university in the complexities of the modern world. **Methods.** The abstract-logical approach was used to critically test foresight practices on the relevance of its response to the challenges of modernity. The historical-logical approach was used to adapt the world experience in the field of foresight for the actual Russian conditions. The author relies on the work of the Frankfurt School of Social Philosophy, in particular, the work of J. Habermas. The proposed view may, on the one hand, denotes the space of critical analysis, on the other hand, it contributes to the development and substantiation of the philosophical research methodology. Foresight is considered as a key infrastructure link, a base for existence of a modern classical university. **Results.** Within the framework of this work, it was possible to outline a promising direction for development of the classical university. This is the difference between the proposed study and those ideas expressed by many authors about the current state of the university, stating its «death». **Conclusion.** The practice of «self-regard» cannot be considered without changing the organizational structure in the foundation of the classical university. The changes are caused by difficulties in providing communication in the learning process. To solve this problem, the practice of foresight was proposed, and shown how it can work.*

Key words: Foresight, «Care of yourself», University, Communication, Communities.

REFERENCES

1. Petrova G.I. *Filosofiya universitetskogo obrazovaniya: modifikatsiya kriteriev klassicheskogo universiteta v obshchestve znaniya* [Philosophy of university education: modification of the criteria of a classical university in a knowledge society]. Tomsk, TSU Publ., 2013. 172 p.
2. Lyotard Zh.-F. *Sostoyaniye postmoderna* [The postmodern condition]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2016. 160 p.
3. Ado I. *Svobodnye iskusstva i filosofiya antichnoy mysli* [Free art and philosophy of ancient thought]. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Publ., 2002. 476 p.
4. Platon. *Dialogi* [Dialogues]. Moscow, Eskimo Publ., 2015. 768 p.
5. Petrova G.I., Zykova S.N., Ershova I.A., But O.A., Stakhovskaya Yu.M. *Korporativnaya kultura sovremennogo universiteta: rol v formirovaniy professionalnoy i lichnoy identichnosti vypusknika* [Corporate culture of the modern university: the role in formation of the professional and personal identity of the graduate]. Tomsk, TSU Publ., 2017. 128 p.
6. Kant I. *Chto takoye prosveshcheniye?* [What is enlightenment?]. Moscow, Choro Publ., 1994. Vol. 8. 718 p.

7. Latour B. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, 2004, vol. 30, no. 2, pp. 225–248. DOI: doi.org/10.1086/421123.
8. Khabermas Yu. Ideya universiteta. Protsessy obrazovaniya [The idea of the university. Educational processes]. *Alma mater*, 1994, no. 4, pp. 9–17.
9. Donnelly K., Rizvi S., Barber M. An avalanche is coming. Higher education and the revolution ahead. *Educational Studies*, 2013, no. 3, pp. 152–229. In Rus.
10. Sokolov A.V. Foresight: a look into the future. *Foresight and STI Governance*, 2007, vol. 1, no. 1, pp. 8–15. In Rus.
11. Dufva M., Ahlqvist T. Elements in the construction of future-orientation: a systems view of foresight. *Futures*, 2015, no. 73, pp. 112–125.
12. Bussey M. Conceptual Frameworks of Foresight and Their Effects: Typology and Applications. *Foresight and STI Governance*, 2013, vol. 7, no. 3, pp. 64–73 p. In Rus.
13. Binaa O., Mateusc S., Pereirab L., Caffab A. The future imagined: Exploring fiction as a means of reflecting on today's Grand Societal Challenges and tomorrow's options. *Futures*, 2017, no. 86, pp. 166–184.
14. Boykova M.V., Salazkin M.G. Foresight in Germany. *Foresight and STI Governance*, 2008, vol. 2, no. 1, pp. 60–69. In Rus.
15. Kuribayashi M., Hayashi K., Akaike S. A proposal of a new foresight platform considering of sustainable development goals. *European Journal of Futures Research*, 2018, vol. 6, Iss. 1, pp. 1–16. DOI: doi.org/10.1007/s40309-017-0130-8
16. Miles I. Scenarios and Road Mapping for Key Technologies: Flood and Coastal Defence in Great Britain. *Foresight and STI Governance*, 2008, vol. 2, no. 4, pp. 50–59. In Rus.
17. Kunseler E-M., Tuinstra W., Vasileiadou E., Petersen A.C. The reflective futures practitioner: Balancing salience, credibility and legitimacy in generating foresight knowledge with stakeholders. *Futures*, 2015, no. 66, pp. 1–12.
18. Duckett D.G., McKee A.J., Sutherland L.A., Kyle C., Boden L.A., Auty H., Bessell P.R., McKendrick I.J. Scenario planning as communicative action: lessons from participatory exercises conducted or the Scottish livestock industry. *Technological Forecasting & Social Change*, 2016, no. 114, pp. 138–151.
19. Khabermas Yu. *Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery: Issledovaniya otnositelno kategoriy burzhuaznogo obshchestva* [Structural change in the public sphere: Studies on the categories of bourgeois society]. Moscow, Ves Mir Publ., 2017. 344 p.
20. *Kommunikativnaya ratsionalnost: etistemologicheskij podkhod* [Communicative rationality: the etistemological approach]. Eds. I.T. Kasavin, V.N. Porus. Moscow, IFRAN Publ., 2009. 215 p.

Received: 26 May 2018.